

МОНОЛОГ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО ПЕРЕД БИТВОЙ

Боже мой, как сердце стынет,
Русь моя, мой стон!
Где, скажи, твои святыни,
Где вечерний звон?
Где великое раденье
Достославных лет?
Только вещее терпенье
Из былых примет.
Что же вы, седые россы,
В слове не вольны?
Или стали безголосы
Верные сыны?
Или нет Осляби с нами,
Пересвет ли спит?
С нами Родина и знамя
И Царьграда щит!
Протруби труба в тумане
К славе пробуди.
Братья, русичи, славяне,
Солнце впереди!

Чалый

Мы прозвали его, тонконого , Чалым,
Говорили ему все ребячьи слова.
Но в глазах его - теплых, веселых и шалых
Отражались дороги, а больше - трава.

Мы кормили его земляникой и редькой,
Он в ночном у костра с нами вместе лежал,
А когда просыпали, случалось нередко,
Чтобы нас разбудить, он потерянно ржал.

И потом мы бежали к реке между вётел,
Где зарю по-цыплячьи проклюнул тальник.
Он летел, как струна, бросив за спину ветер,
И, конечно, летел впереди остальных.

Мы купаву совали ему и купали.
Щекотал ему ноздри пахучий туман.
Только губы его отвергали купаву,

Норовили кому-нибудь ткнуться в карман.

Я уехал потом, только помню зазывно
Так он ржал и бежал по осеннему льду.
Я поклялся тогда, что ему в магазине
Самой лучшей работы уздечку найду.

Тосковал я по нем каждым днем, каждой ночью,
Но однажды совсем занемог:
Написала сестра мне в письме (между прочим):
- Знаешь, Витька, а Чалый твой сдох...

И теперь, когда сердце кольнёт беспокойно,
Уезжаю в деревню, поближе к луне.
Ходят тёплыми травами смирные кони
И кричат дергачи у зеленых камней.

Млечный Путь в луговину упал, как уздечка,
Я ее подниму, позвеню в окоём.
Может, Чалого ржанье отзовется за речкой,
Отзовется, как детство моё.

Уборщица

Тетя Люба, наша уборщица,
На работу приходит рано.
Заметет коридор убористо
И протрёт запотевшие рамы.

Пол помоеет до самых порожков.
Всем дорожкам устроит трёпку.
И на видное место положит
Обронённую кем-то трёшку.

Уберет кабинет начальника,
Соблюдая привычный черёд.
Дно почистит курносому чайнику
И привычно портреты протрёт.

Одинокий он сам, начальник,
Часто просит оставить ключи.
И задерживается ночами:
Пишет что-то, курит, молчит.

Тетя Люба давно это знает, -
Как одной горемычить ночь.
У самой третий год в Казани
На учительшу учится дочь.

Вот вчера на пальто зарплату
Отослала ей вместе с письмом.
А сама положила заплату
На состарившемся пальто.

ОТЕЦ

Отец, отец,
Ты где-то там на Одере,
И холм твой сгладили нездешние дожди.
Кругом трава, трава цветет до одури
В глуши, где в гости никого не жди.

А яблони (их там и не сажали,
Там только травам горьким и расти),
Они из сада нашего сбежали,
Чтоб над твоей могилою цвести.

Твой старый сад повырубили в мае,
Он белый-белый падал на штыки.
Пять долгих лет земля твоя сжимала
Зеленых пней немые кулаки.

А новый сад...
Тебе б не наглядеться
Ему стал тесным отчий окоём.
Я слышу: в нем твое живое сердце
Колотится до дрожи соловьём.

Отец, отец,
О чём бы ни спросил я,
Ты не ответишь, не вернешься к нам,
Но каждой новой яблоне в России
Я буду радоваться, как твоим шагам.

Отец, отец,
Ты где-то там, на Одере,

В твоей груди застыл чужой свинец,
А яблони цветут, цветут до одури,
Они из сада твоего , отец.

ПАЛ ПАЛЫЧ

Он любил цветы самозабвенно —
Только этим счастлив и богат.
И никто, скажу вам откровенно,
Из ребят к нему не лазил в сад.

И в часы вечернего разбоя
Там цветка никто не смел сорвать,
Так уж сговорилась меж собою
Наша довоенная братва.

Нам тогда был чуждым
Свет фонарный,
Обходились без него, как встарь.
Но горел в слободке благодарно
В честь его единственный фонарь.

Двадцать раз к цветам он выйдет за ночь,
Пропоет над каждым — «хорошо».
Грянула война, и наш Пал Палыч
Рыть окопы загород ушел.

Голосили сипло бабы: «Господи»,
Накрываясь плачем с головой...
Привезли безногого из госпиталя
Нашего Пал Палыча домой.

Сел он на расшатанном порожке,
Что еще от солнца не остыл,
Уронив клинастую бородку
На простой с подушечкой костыль.

А потом сквозь щелистую изгородь
Видели, как путник к роднику,
В гимнастерке, весь от солнца выгорел,
Трудно ковылял он к цветнику.

Затихал над садом гомон галочий,

Шел волшебник добрый и людимый,
И светилась голова Пал Палыча
Золотою лампой Алладина.

Скоро-скоро отцветет долина,
Скоро пчелам погружаться в сои.
На бордовой шапке георгина
Греет крылья дивный махаон.

То поднимет крылья, то опустит.
Воздух сада остекленно густ.
В сизо лиловеющей капусте
Зреет первых заморозков хруст.

Вон уже ракита стала пестрой,
Стало в небе больше высоты.
Я не знаю, отчего так остро
Вглядываюсь в листья и цветы.

Может быть, от той звезды-полыни
Раньше срока можжевельник сух.
Чувство, незнакомое доньше,
Болью перехватывает дух.

Я не знаю, может скоро-скоро
Зарастет здесь лебедой крыльцо.
Я вот так же вглядывался скорбно
В мамино предсмертное лицо...

ЗА ТУМАНОМ - ИНЕЙ

Молодость махнула мне косынкой синей,

Пал туман на землю там, где осень шла.

За туманом - иней, за туманом - иней,

Вот уже и роща вся белым-бела.

За туманом - иней, а за рощей белой?

А за рощей белой всё белым-бело.

Как же это время быстро пролетело,

Как же это рано снегу намело?

Ах ты, роща, роща - предзакатный пламень,

Пух не тополиный на твоих ветвях.

Я висков касаюсь теплыми руками,

Но не тает иней на моих висках.

Ну и пусть не тает. Прощумел мой ливень.

С белыми снегами светлый месяц слит.

Пусть допишет песню кто-нибудь счастливый,

Как над белой рощей белый свет стоит.

СЕРАЯ ПЫЛЬ

посвящается
Алексею Дронникову

Солдатской колонны маршевый шаг
И выдох и вдох один.
Но женщины скорбной прощальный взмах
Напомнил мне, чей я сын.

Забыл я, забыл я родимый дом,
Сирень у резных крылец.
Но марш военный напомнил о том,
Что был у меня отец.

Колонна идет, как взрывная волна,
Трубач полковой охрип.
Как будто идет сквозь меня война
И все, кто на ней погиб...

И нет мне дороги домой до конца,
Забвеньё врывается в быль.
И смертные слезы не смоют с лица
Солдатскую серую пыль.

КОСЫ

Мама пол устилала травой медуницей,
Потолок украшала ветвями березы
И как память свою, от которой не спится,
Ввечеру расплетала волнистые косы.

Расплетала густые свои, расплетала,
Гребень лунно мерцал в золотой повители.
А когда расплетала, и в доме светало,
И бессонные бабочки в окна летели.

Долго спать не ложилась усталая мама,
Речка светлых волос омывала ей плечи.
Не жалела, что гребень опять поломала,
Не грустила, что вянут зеленые свечи.

Ветка стукнет в окно - вся она замирала.
Все отца дожидалась с войны - не с покоса.
Для него по пригоркам траву выбирала,
Для него берегла венценозные косы.

Наплела ей цыганка - известное дело,
Что вернется король из казенного дома.
И покуда ждала - голова поседела
И на крыше зеленою стала солома.

КОЛЬЦО

Сыновним чувством схваченный в кольцо,
Смотрю, как дождик трудится над пашней.
Какое было у отца лицо
В атаке той последней рукопашной?

Накатывалась едкая слеза
От близкого слепящего разрыва.
Какими были у отца глаза,
Когда залег весь батальон прорыва?

Какою мыслью был он напряжен,
Минуя поле минное вслепую,
Когда взяла убийственный разгон
Ему навстречу снайперская пуля?

Быть может, смерть заметила его
В бинокли с наблюдательного верха?
Я знаю все о штурме Кенигсберга,
Я об отце не знаю ничего.

За пропавших без вести
В чужедальнем краю
Спой мне, матушка, песню,
Я тебе подпою.

И запела, и вывела
Издали-далека
(Будто душу всю вынула),
Про того ямщика.

Было что-то ранимое
В каждом звуке ее,
С колыбели родимое,
До кровинки мое.

Эти вьюги, как вести
- Скрип дверей на мороз.
Ах, как трудно от песни,
Как туманно от слез.

Песня облачком плавала
Над седой головой.
Мама пела, как плакала
Над своею судьбой.

Где судьба та пропащая?
Ветер снегом занес.
Ах, не пой больше, матушка.
Я от песни замерз.

НЕКОГДА

Леониду Моисееву

Всё замерло под знойным небосводом:
В полях стоит душистая жара,
И розовые тонко брызжут медом
Горячие под солнцем клевера.

Ни трепета, ни дуновенье тени
По раскаленным ржам не пробежит.
Лишь, как живое выражение лени,
Широкий лунник в мареве дрожит.

Всё потеряло жизнь, всё потеряло волю.
Вода в реке и та изнемогла.
Но посмотри, как мечется по полю
Среди цветов звенящая пчела.

Ей далее злиться некогда родимой,
Еще ей надо с медом долететь,
Чтоб вновь к цветам вернуться невредимой
И крылышек в пути не истереть.

И пусть жара сгущается над рожью.
Но никакой полуденный огонь
Не остановит труженицу Божью,
И ты ее, неспящую, не тронь!

Послевоенные года.
Послевоенные печали.
Я не забуду никогда,
Как нас, мальчишек, разлучали.

Чтоб сохранить среди живых,
Чтоб каждый был и сыт и вымыт –
Одних - в суворовцы, других –
В дома суровые для сирот.

Наш путь войною не отмечен.
Но посмотри со стороны –
Мы обнимаемся при встречах,
Как ветераны той войны.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Незнакомой дорогой иду,
А была ведь когда-то знакома.
Всё смотрю и никак не найду
Пепелище родимого дома.
Там деревья остаться должны,
И дорога была, да не эта.
Что ж сейчас, как и после войны,
Ненадежна любая примета?
И спросить-то не знаю кого,
Впрочем, спрашивать мне не пристало,
Я и сам не забыл ничего,
Что росло здесь, цвело и стояло.
Я не землю - я жизнь узнаю!
Время столько обувки сносило,
Прежде чем деревушку мою
По высотным домам расселило.
...Был здесь грустный земли уголок,
Низкий домик в зеленом затишье.
Постою, помолчу, одинок
Под широкою звездною крышей.
Посмотрю на родную звезду
Не затем, чтобы стать ей виднее, -

Я всегда у звезды на виду,
Но она мне отсюда роднее.

ИЮЛЬ

Июль. Июль. Недолго ждать покоса.
Зеркальный пруд от зноя запотел.
И кажется, что белая береза
В густой пшенице стала золотей.

Покос и осень светлая, как воля,
Где ветер листья первые стрясет.
И пчелка с увядающего поля
Последний мед, как зернышко, несет.

Первый раз ночует птица
Не на шумной ветке.
Первый раз ночует птица
В золоченой клетке.

Первый раз запела птица
Не в широком поле.
Первый раз запела птица
В золотой неволе.

Не о поле пела птица,
Не о вольной ветке,
А о том, что часты спицы
В золоченой клетке.